

Эли Берте

Потерянная долина

Эли Берте

Потерянная долина

«Public Domain»

1851

Берте Э.

Потерянная долина / Э. Берте — «Public Domain», 1851

«Пушечная и ружейная пальба целый день раздавалась в горах, окружающих деревню Розенталь, близ Цюрихского озера, в Швейцарии. Был август 1799 года; французы вели тогда с австрийско-русскими войсками одну из тех войн, которые составляют славу той эпохи. Бой, поразивший ужасом мирное селение, происходил между отрядом армии Массены и небольшим корпусом австрийцев под начальством эрцгерцога Карла, старавшегося тогда овладеть Цюрихом. Судя по беспрестанным выстрелам, повторяемым горным эхом, сражение было упорное: облака беловатого дыма то там, то здесь поднимались из ущелий, как из вулканов во время извержения. Между тем часам к четырем вечера пальба мало-помалу затихла, и лишь изредка слышались выстрелы, подобные тем, которые производят, сидя в своих шалашах местные охотники...»

© Берте Э., 1851

© Public Domain, 1851

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эли Берте

Потерянная долина

Глава I

Беглец

Пушечная и ружейная пальба целый день раздавалась в горах, окружающих деревню Розенталь, близ Цюрихского озера, в Швейцарии. Был август 1799 года; французы вели тогда с австрийско-русскими войсками одну из тех войн, которые составляют славу той эпохи. Бой, поразивший ужасом мирное селение, происходил между отрядом армии Массены и небольшим корпусом австрийцев под начальством эрцгерцога Карла, старавшегося тогда овладеть Цюрихом. Судя по беспрестанным выстрелам, повторяемым горным эхом, сражение было упорное: облака беловатого дыма то там, то здесь поднимались из ущелий, как из вулканов во время извержения. Между тем часам к четырем вечера пальба мало-помалу затихла, и лишь изредка слышались выстрелы, подобные тем, которые производят, сидя в своих шалашах местные охотники.

Сражение кончилось, но кто вышел из него победителем? Вот чего не знали жители Розенталя, и при отсутствии известий предавались беспокойству. Большая часть их, с женами и детьми, скрывалась в убежище неподалеку от деревни. Голубоглазые прядильщицы и кружевницы в своих живописных костюмах не показывались на балконах домов, полуголые ребятишки не играли на деревенской улице. Разве где-нибудь боязливо откроется ставень, чтобы проводить испуганным взглядом редкого прохожего, спешащего к другому концу Розенталя.

День был очень жаркий. Старик почтенной наружности, в коротком черном плаще протестантского пастора, сидел на каменной скамье у дверей своего дома, находившегося в самом начале деревни, вдыхал свежий ветер с озера, несмотря на увещания соседей спрятаться куда-нибудь подальше. Уже больше четверти часа его дерзость оставалась ненаказанною, как вдруг раздались испуганные голоса:

– Французы! Французы!

Старик проворно встал и положил руку на щеколду двери, но прежде чем войти в дом, полюбопытствовал взглянуть на дорогу, по которой следовало идти неприятелю.

Несколько минут он ждал, однако на дороге никого не было видно. Он было подумал уже, что это пустая тревога, каких немало в этот день наделали розентальские кумушки, как из-за поворота действительно показался человек во французском мундире.

Это был капитан гренадерского полка, молодой и хорошо сложенный, но в самом жалком виде. Его одежда была изодрана и вся в пыли, голова ничем не прикрыта, длинные волосы растрепал ветер. Одна рука, которую он держал у груди, была испачкана кровью, так же как и рукав его мундира, в другой руке была обнаженная сабля; ее серебристый клинок блестел на солнце. Эполет, оторванный, без сомнения, пулей, свалился с плеча и висел на пуговице. Офицер шел, с трудом передвигая ноги, и часто оборачивался, как будто боясь, что его преследуют.

Пастор ждал, когда следом за офицером появятся солдаты, но с удивлением скоро убедился, что завоеватель Розенталя был совершенно один.

Не находя никакого повода бояться этого человека, очевидно, изнуренного усталостью, и раненого, он не ушел в дом и остался на пороге посмотреть, что будет дальше.

При входе в деревню француз остановился, не зная, что делать: идти дальше или вернуться. Все эти дома, запертые и безмолвные, вовсе не казались гостеприимными. С другой стороны, капитан был решительно не в состоянии идти дальше.

Нерешительность офицера не осталась незамеченной пастором. Открытое и мужественное лицо молодого человека расположило к нему розентальского пастора. Он сделал движение, которое привлекло внимание незнакомца.

Увидев старика с добродушным лицом, офицер быстро подошел к нему, поднес руку ко лбу, словно отдавая по-военному честь, и спросил на довольно плохом немецком:

– Не позволите ли вы раненому солдату отдохнуть в вашем доме минут десять и дать ему стакан воды? Я не причиню вам никакого беспокойства и готов заплатить за хлопоты.

– С охотой, мсье, – отвечал пастор по-французски. – Но прежде я должен задать вам один вопрос.

– А! Вы говорите по-французски? – вскричал офицер на своем родном языке, и лицо его просветлело. – Я на все согласен! Только говорите поскорее, потому что эти проклятые австрийцы, пожалуй, вот-вот появятся здесь.

– Всего два слова: там, в Альбийском дефиле¹ французы остались победителями или были разбиты?

– Вы хотите сказать, что если счастье нам изменило, то вы запрете дверь? – спросил капитан с веселой улыбкой. – Мне известна предусмотрительность ваших соотечественников, они не любят попадать впросак.

– Быть может, вы судите о них так же ошибочно, как и обо мне.

– Ну так предположите, что мы в этих проклятых Альпах сделали фрикасе из кайзерликов, но подавленные многочисленностью...

– Отступили?

– Не отрицаю этого, и даже прибавлю, что дальше идти я решительно не могу.

– Но не знаете ли вы по крайней мере какого-нибудь корпуса вашей армии, к которому вы могли бы присоединиться.

– К несчастью, нет. Мои гренадеры и я были в арьергарде, а неприятель занял все дороги между этой деревней и дивизией генерала Лекурба, к которой я принадлежу.

– Ну так не можете ли вы взять несколько солдат, которыми вы командовали, и попробовать вместе с ними пробиться к вашей дивизии?

– Невозможно. Они все убиты.

– Что вы говорите? – вскричал пастор с ужасом.

– Увы... Мне было приказано удерживать неприятеля в ущельях Альби, и я в точности выполнил этот приказ. Целый день по нашему маленькому редуту стреляли и так удачно, что с час лишь назад я увидел, как у меня осталось только шесть человек... Мы были атакованы, нам кричали, чтобы мы сдались... Как бы не так! Мы принялись пробивать дорогу саблями... Мои гренадеры, бедняги, все остались там, только мне удалось уйти, но в этом опять не я виноват, потому что, клянусь честью, я покрошил-таки вдоволь этих любителей кислой капусты и... Однако довольно об этом! Расположены ли вы исполнить мою просьбу или мне идти дальше?

– Войдите, войдите, храбрый молодой человек, – с участием сказал пастор. – Если я боюсь, то вовсе не за себя.

Он ввел француза в нижнюю комнату и позвал дочь. Через минуту на столе уже красовалась бутылка доброго вина, между тем как старик разорвал полотняное полотенце, чтобы перевязать раненого.

– К несчастью, вы не можете остаться здесь, – сказал пастор, закончив перевязку. – Австрийцы, без сомнения, овладеют деревней, и я с минуту на минуту жду, не появятся ли их фурыеры².

¹ Дефиле – узкий проход между горами, используемый для задержания противника. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Фурыер – военнотружущий младшего командного состава, исполняющий роль ротного и снабжающий роту, эскадрон фуражом и продовольствием.

– Это весьма вероятно, – хладнокровно отвечал француз. – Австрийцы гнались за мной, видели, как я направлялся в эту сторону, и знают, что далеко я уйти не могу. Удивляюсь, как это они до сих пор не пришли подцепить меня здесь.

– Как! И вы можете так спокойно говорить об этом? Вам надо сейчас же уходить.

Капитан продолжал небольшими глотками осушать стакан бордосского, приятный жар которого вызвал уже легкий румянец на его бледных щеках.

– Гм! – произнес он, разваливаясь в кресле. – Квартира не из самых дурных, вино имеет приятный вкус, и хозяйка, – продолжал он, устремив взгляд на высокую белокурую швейцарку, прислуживающую ему, – хозяйка так же свежа, как и мила. Право, мне хочется дожидаться кайзерликов!

Эти слова заставили старого пастора нахмурить брови.

– Как, мсье, – спросил он, – вы так хладнокровно решаетесь стать военнопленным и отправиться в какой-нибудь жалкий городишко или в мрачные крепости на берега Дуная?

– Да, незавидная перспектива, мсье, а не можете ли вы спрятать меня здесь, в каком-нибудь шкафу, пока пройдут эти проклятые немцы?

– Мой дом мал, в нем невозможно спрятаться. Притом жители деревни наверное видели, как вы подошли ко мне, и они выдадут вас. Наконец, мсье, я живу здесь с моей старой и больной женой, которая лежит в верхней комнате, и с дочерью Клодиной, которую вы видите. Неужели вы захотели бы предать нас мщению солдат, если они найдут вас здесь?

– Вы правы, – француз с живостью поднялся. – Ваше доброе участие могло бы тогда иметь для вас и для вашего семейства плачевное последствие. Итак, я ухожу, и прошу вас принять мою благодарность за услугу, оказанную мне вами в моём неприятном положении.

Он раскланялся с отцом и дочерью и направился к двери, но пастор, растроганный этим благородным поступком, удержал его.

– Одну минуту! – сказал он. – Я не могу укрыть вас здесь, но тем не менее готов оказать вам все зависящие от меня услуги. Куда вы думаете идти?

– Право, я и сам не знаю, куда... Отойду, сколько могу, чтобы скрыться от австрийцев, если же они поймают меня, придется, конечно, примириться с дунайскими крепостями.

Пастор подумал с минуту.

– Если б только, – сказал он наконец, – у вас хватило сил преодолеть несколько десятков лье по горам, по трудным дорогам, в самое короткое время я отвел бы вас в Цюрих.

Офицер вздохнул.

– Присутствие вашей прелестной дочери и прекрасное бордосское меня немного оживили, но тридцать шесть часов ожесточенного сражения и рана, конечно, серьезная, это правда, однако я потерял много крови, – все это делает меня решительно неспособным совершить подобный подвиг. Надо поискать другое средство... Нет ли по соседству какой-нибудь уединенной лачужки, от которой на целое лье вокруг пахнет сыром и коровником, где бы мне можно было скрыться на день или на два? Мой приход не окажется в тягость честной швейцарке, которая согласилась бы приютить меня, потому что кошелек у меня довольно туго набит.

– Немецкие мародеры обыщут всю округу, и вы неизбежно будете обнаружены... Есть, однако, здесь некто, который, если бы только захотел, мог бы, возможно, дать вам убежище...

– Кто же это такой?

– Один скромный человек. Живет он всего в четверти лье от деревни, но в таком месте, которого никому не найти, кроме здешних жителей. Думают, что он француз, потому что очень хорошо говорит на вашем языке, и католического вероисповедания. Быть может, он и принял бы участие в соотечественнике. Но его странный характер не позволяет рассчитывать на это с уверенностью.

– Откуда же у него эти странности?

– Бог его знает, сударь. У этого человека таинственные привычки: часто пропадает из своего жилища на несколько дней, и никто не знает, куда он уходит. Несмотря на то, он так добр, обязателен, милостив...

– Отец! – испуганно прервала пастора девушка, запирая дверь. – Вот идут солдаты.

– Моя сабля!... – вскричал офицер.

Пастор вырвал у него оружие.

– Что вы затеваете, мсье? Соппротивление в подобном случае было бы безумием... Ну, теперь медлить нечего, идите за мной.

– Куда же?

– В жилище господина Гильйома, того лица, о котором я вам только что говорил. Но погодите, надо предпринять некоторые предосторожности...

Он набросил на плечи капитана короткий, черный плащ, чтобы скрыть его мундир, а на голову надел шляпу с широкими полями, возвратил ему саблю, посоветовав не употреблять ее в дело ни в каком случае. Потом отворил заднюю дверь, ведущую в небольшой цветущий сад, и попросил гостя подождать тут, пока он проверит, нет ли кого-нибудь на дороге.

Капитан остался наедине с хорошенькой Клодиной.

– Мадемуазель, – сказал он с изысканной любезностью, – как выразить вам мою признательность за ваше участие в моей судьбе? Верьте, что и без этого воспоминание о такой прекрасной, такой грациозной особе осталось бы навсегда в моей памяти.

Он забыл, что прекрасная швейцарка почти ни слова не понимает по-французски. Она стояла неподвижно, с опущенными глазами. Поняв свою ошибку, капитан обхватил талию Клодины здоровой рукой и дважды поцеловал щечку.

Через минуту возвратился старик.

– Идем, идем, – сказал он, – пока не поздно...

– Я готов, – сказал капитан.

Он раскланялся с Клодиной, еще не успевшей опомниться от его последнего комплимента, и, закутавшись в плащ, отправился вслед за пастором.

Миновав сад, они вышли через решетчатую калитку на тропинку, которая, извиваясь между одиноких скал и кустарников, вела в горы.

Пастор вел за собой своего спутника, не говоря ни слова. Вскоре позади слышались крики австрийских солдат, беспорядочные выстрелы и неистовые удары в ворота домов.

– Ну, – произнес капитан с иронией, оглянувшись на деревню, – нельзя сказать, что ваши друзья немцы дают знать о себе с изысканной вежливостью. Я тем более ценю благородное чувство, побудившее вас оставить свой дом при таких обстоятельствах, чтобы послужить проводником для несчастного беглеца.

– О, нам недалеко идти, и если господин Гильюм будет мало-мальски сговорчив, я вовремя успею вернуться к моему семейству... Но вы пригнитесь, мсье, – прибавил пастор с беспокойством. – Эта часть дороги, к несчастью, открыта, и нас могут увидеть из деревни. Смотрите, вон на краю дороги стоит австрийский майор... Он заметил нас. Пригнитесь, я вам говорю! Дай Бог, нас примут за служителей церкви, испуганных той суматохой и оставивших свою паству в минуту опасности, потому что, увы! во многих христианских общинах довольно дурно расположены к духовенству... Да, да, я угадал, офицер удаляется со смехом. Да простит ему Бог недостаток христианской любви, если его ошибка спасает нас!

К счастью, в этом месте тропинка спускалась вниз, и деревня скрылась из вида. Земля здесь была покрыта горами камней, среди которых тропинка образовывала тысячу извилин. Впереди возвышались отвесные скалы, громоздившиеся одна на другой, и горы, не слишком высокие, но недоступные. Никакой шум не проникал в это мирное убежище из равнины, уже заполненной солдатами. Только журчание потока, которого, однако, не видно было – так глубоко было его ложе, – и пение дроздов нарушали безмолвие.

– Честное слово, здесь преудобное место для засады, – сказал капитан с видом знатока, – но вам нет нужды идти далее, мой дорогой проводник. Здесь мне нечего бояться, укажите только дорожку, по которой мне идти, и вернитесь поскорее в Розенталь, потому что, я вижу, вы очень беспокоитесь о своем семействе.

– Я не думаю, что опасность для них была так велика, – ответил старик, – но, хотя дом господина Гильйома не очень далеко отсюда, одному вам будет трудно отыскать его.

– Значит, этот человек, к которому мы идем, имеет очень важные причины скрываться?

– Не знаю. Может быть, господин Гильйом – одна из тех растерзанных душ, которые после долгих страданий ищут уединения... Так как он не очень общителен, то и составляет предмет множества догадок. Говорят, он очень богат, раздает обильные милостыни... Во всяком случае, его не беспокоят и оставляют жить, как ему угодно.

– Он живет один?

– Насколько мне известно, у него нет ни родственников, ни слуг.

– Все это очень оригинально, и в какой-нибудь другой стране вывели бы на чистую воду аферы вашего Гильйома... А как давно живет он в этом кантоне?

– Около пятнадцати лет.

– Значит, это не может быть эмигрант, – задумчиво произнес капитан, – но кто бы он ни был, мне все равно, лишь бы оказал гостеприимство... Однако же, ради Бога! Куда вы привели меня, мсье? – прибавил он, остановившись.

– По-моему, мы заблудились, ни шага нельзя сделать далее в эту сторону.

Действительно, тропинка упиралась в огромный обломок скалы, упавший с вершины утеса, и здесь ясно были видны следы одного из ужасных обвалов, так частых в Альпах. Очевидно, некогда тропинка проходила здесь, но последний обвал перерезал ее неприступной стеной шестидесяти футов высоты.

Пастор не дал своему спутнику времени полюбоваться этими величественными развалинами. Он взял его за руку и указал на маленькую боковую тропинку, которую молодой человек не заметил среди зарослей остролистника.

– Сюда, – сказал он ему, улыбаясь. – Вот мы и пришли к Потерянной Долине. Отсюда недалеко и дом господина Гильйома.

– Потерянная Долина? – повторил капитан. – Место, где мы находимся, носит это название? Право, она заслуживает его как нельзя более.

– Потерянная Долина находится там, точнее, была там, за этими скалами... Это было прекраснейшее место во всей Швейцарии. Вообразите небольшую равнину, которая была доступна только с одной стороны, и где почти круглый год царствовала весна. Виноград там рос чудесно, и померанцы приносили превосходные плоды. Наши добрые розентальцы сравнили бы это место с земным раем. Некогда эта долина принадлежала господину Гильйому, который выстроил там прекрасный дом. Но лишь только работы были закончены, как в одну ненастную ночь услышали в Розентале страшный шум; земля тряслась, как будто наступило светопреставление. На другой день узнали, что огромные скалы, упав, загромождали собой ущелье, которое вело в долину. К счастью, господина Гильйома тогда там не было, иначе он неизбежно погиб бы под развалинами. По возвращении сюда он обосновался в доме неподалеку от долины, в которой мы, вероятно, найдем его и теперь. С этого времени погребенную под скалами равнину называют Потерянной Долиной.

– Потерянный Рай был бы более в библейском духе ваших прихожан, мсье пастор, – заметил его спутник. – Но неужели никто не постарался после той катастрофы узнать, что случилось с этим прекрасным уголком?

– Вы видите, мсье, ущелье совершенно завалено, думают, что обвал не пощадил и долины. Поэтому не сочли нужным делать изыскания, когда тот, кого всего более они должны были бы интересоваться, высказывает такое равнодушие в этом отношении. Между тем охот-

ники, которые иногда бывают на вершине горы неподалеку от Потерянной Долины, рассказывают необычайные вещи...

– Что же они видели там, мсье? – заинтересовался француз.

– Разные чудеса, достойные тысячи и одной ночи – мужчин и женщин, превращенных в камни... Но оставим эти сказки, – прибавил пастор с достоинством. – Человеку моего звания неприлично повторять их, а вам не время слушать их. Вот мы и пришли к господину Гильйому.

Глава II

Гильйом

Действительно, беглецы тем временем обогнули подошву утеса и достигли густой каштановой роши, под которой приютился маленький домик. Никаких хозяйственных строений, никакого хлева не было при этом скромном жилище. Земля вокруг него была не обработана, за исключением одного уголка, где сквозь частый плетень виднелось что-то вроде небольшого садика. Разросшиеся деревья отбрасывали густую тень, сквозь которую не могли проникнуть солнечные лучи.

Когда пастор и его спутник подошли к дому, на них с лаем бросилась собака в ошейнике с железными шпильками. Но, узнав пастора, она перестала лаять и потерлась мордой о руку старика.

– Не бойтесь, это Медор, верный сторож господина Гильйома, – сказал пастор, погладив пса.

Внутренность дома несколько не свидетельствовала о богатстве, про которое говорил пастор. Мебель была добротная, но простая, какая бывает у не очень зажиточных швейцарских фермеров. И в особе самого Гильйома не было ничего примечательного. Ему нельзя было дать более пятидесяти лет. Лицо свежее и спокойное; легкая дородность придавала его фигуре важность, не делая ее однако обрюзгшей. На Гильйоме были черный сюртук и суконные панталоны с серебряными пряжками, волосы тщательно запудрены. Внешний вид его был благороден, что трудно ожидать от человека, удаленного от света. В серебряных очках на носу он сидел за столом и просматривал толстую счетную книгу с медными застёжками, и его можно было бы принять за управляющего, готовившегося дать отчет своему хозяину-аристократу.

Увидев вошедших, Гильйом закрыл книгу и бережно положил ее в открытый ящик стола. Потом встал, подошел к пастору и с улыбкой пожал ему руку.

Не теряя времени, старик объяснил ему, в чем дело. Гильйом пристально посмотрел на молодого человека и задумался.

– Любезный господин Пенофер, – сказал он наконец, – я с охотой принял бы участие в вашем добром деле, но в этом доме нет почти ничего, что необходимо для раненого, и притом он находится слишком близко от Розенталя, чтобы мог стать для него убежищем. Я могу приютить вашего протеже до завтрашнего утра и охотно предоставляю все, в чем он будет иметь нужду. Только, заметьте, до завтрашнего утра, потому что...

– Одной ночи передышки и сна для меня будет достаточно, – прервал его капитан. – Я не могу обременять вас, сударь, и пробуду здесь только крайне необходимое время. Завтра на рассвете я распрощаюсь с вами и принесу вам искреннюю благодарность за услугу, которую вы мне окажете.

Этот ответ, казалось, понравился Гильйому.

– Ну, так решено! – сказал священник. – Я был уверен, что мы не напрасно рассчитывали на преданность нашего соседа. Теперь, благодаря Богу, вы в безопасности капитан, по крайней мере, на несколько часов, и я могу вернуться в Розенталь.

– Да, мой достойный покровитель, – с чувством произнес француз. – Идите, и если увидите снова нам не суждено, то будьте уверены, что воспоминание о вас никогда не изгладится из моей памяти.

– Я с моей стороны, мсье, – спросил пастор, сжимая его руку, – не могу ли знать имя того, кому имел счастье оказать услугу?

– Мое имя Арман Вернейль... Капитан Вернейль из шестьдесят второй полубригады. Гильйом быстро подошел к нему.

– Вернейль? – повторил он. – Вы кавалер де Вернейль, сын адмирала де Вернейля, умершего на чужбине?

– Вы знали моего отца? – удивленно воскликнул молодой человек.

– Я? Нет, но я часто слышал, как говорили о нем во Франции, в Париже.

– Мой любезный мсье, – продолжал капитан тоном полувеселым, полусерьезным, – если я смею о чем-либо просить, так это о том, чтобы вы не щекотали мой слух этим «де» – титулом кавалера в короткие минуты, которые мы должны провести вместе. Хотя мы живем и не в те времена, когда резали головы за то, что эти слова ставили перед своим именем, но все-таки неблагоразумно было бы щеголять ими. Впрочем, еще задолго до революции, уничтожившей подобные различия, я считал неуместным упоминать это «де» и титул «кавалера», потому что мой бедный отец, сделав меня сиротой, не оставил мне средств прилично поддерживать ни того, ни другого... Но эти разбирательства бесполезны... Итак, прощайте, – обратился он к пастору, – почтенный друг мой, благородный или нет, капитан Вернейль никогда, однако, не был благодарен.

Пенофер хотел идти, как вдруг снаружи послышался шум шагов и в комнату вбежала, запыхавшись, дочь пастора, белокурая Клодина с разбросанными по плечам волосами и лицом, покрасневшимся от быстрого бега.

– Отец! – воскликнула она. – Спрячьте скорее француза. Они идут!

– Кто идет, дитя мое?

– Австрийские солдаты! Не успеешь прочесть псалма, как они будут здесь.

– Кайзерлики? – воскликнул изумленный Арман де Вернейль. – Как они могли найти меня?

Молодая швейцарка, видимо, угадала смысл этих слов, произнесенных по-французски.

– Кажется, – ответила она, потупившись, – они очень раздражены тем, что у подошвы Альби их натиск сдерживался горсткой французов, и хотят поймать офицера, который командовал ими. Они следили за ним издали, когда он пробирался к Розенталю, и грозятся предать огню деревню, если им не выдадут беглеца. Соседи видели, как француз вошел в наш дом, и поспешили сказать об этом. Солдаты бросились к нам и подняли страшный гвалт, который ужасно перепугал мою бедную мать и меня. Я не знала, что отвечать на их вопросы, когда австрийский майор вспомнил, что при входе в Розенталь он видел двух человек в одежде протестантских пасторов, которые направлялись сюда. Он утверждал, что один из этих двоих должен быть француз...

– Будь прокляты эти горы, где нельзя сделать и шага без того, чтобы тебя не увидели на три лье в окружности! – проворчал капитан.

– Но как же они узнали, что мы направились к господину Гильйому? – спросил пастор свою дочь.

– Солдаты грозились разграбить деревню, и наши соседи, испугавшись, выразили готовность отвести их до места, где они могут поймать чужестранца. Узнав, что вы направились в эту сторону, крестьяне догадались, что вы у господина Гильйома, и многие вызвались быть проводниками. Майор принял их услуги, и они пустились в дорогу... Что до меня, то я воспользовалась минутой, когда за мной не наблюдали, прокралась через сад и поспешила, чтобы предупредить вас. Австрийцы теперь рубят по дороге кустарник и ставят везде часовых. Но я бежала по дороге, известной мне одной, через лес и, слава Богу, пришла сюда вовремя.

При этих словах Клодина поправила свою юбку и косынку, приведенные в некоторый беспорядок кустами ежевики и терновника.

– Вы ангел! Ангел, ангел, юная фрау! – с жаром воскликнул Арман Вернейль, призывая на помощь все свои познания немецкого и прижимая к губам руку девушки.

В следующий миг раздался свирепый лай.

– Они идут, – сказал Гильйом с беспокойством. – Надобно на что-нибудь решиться.

Капитан вздохнул.

– Право, эта травля начинает надоедать мне. Я не хочу более подвергать опасности честных людей, принимающих во мне участие... Не лучше ли отдаться этому неприятельскому офицеру, который преследует меня с таким ожесточением?

– У вас всегда будет время сделать это, – возразил пастор.

– Нет, нет! – прошептала Клодина со слезами на глазах.

– Уж не хотите ли вы, чтобы я играл в прятки с этими ищейками? – с иронией спросил Арман Вернейль. – Наступает вечер и благодаря темноте, мне, быть может, удастся скрыться от них... Хотя, говоря откровенно, я не нахожу в настоящую минуту большого удовольствия в этой игре...

– Не говоря уж о том, что вы можете попасть под пулю, – прибавил Гильйом, – что было бы жалко, потому что, несмотря на кажущуюся ветреность, вы добрый и храбрый молодой человек. У меня есть другое средство.

К удивлению пастора и его дочери, он отвел капитана Вернейля в угол комнаты и тихо сказал ему:

– Опасность, которой вы подвергаетесь, мсье, весьма велика. Я могу и хочу спасти вас, если вы согласитесь на мои условия.

– Какие это условия?

– В том месте, куда я вас отведу, вы должны обещать никогда не открывать рта для произнесения ругательств или насмешек, как бы странны ни показались вам вещи, которые вы увидите или услышите. И еще... Вы должны хранить тайну этого приключения, когда выйдете оттуда.

– Вот странное требование! Между тем, если моя совесть...

– От вас не требуют ничего, что было бы противно совести честного человека.

– Ну что ж! Начало довольно романтическое. Но так как мне не из чего выбирать средства к спасению, то я обещаю.

– Вы клянетесь словом христианина?

– Клянусь.

– Честью дворянина?

– Честью дворянина и офицера шестьдесят второй полубригады.

– Этого довольно... Будьте готовы идти за мной.

Гильйом подошел к пастору и его дочери, изумленным этим таинственным разговором.

– Мой добрый Пенофер, – сказал он, стараясь казаться спокойным, – я нашел средство спасти вашего протеже, но я открою вам его после – теперь минуты дороги... Клодине и вам нечего бояться австрийских солдат. Удержите их здесь минут на пять, как можете... Через пять минут наш друг будет в безопасности.

– Но, мсье, – начал было пастор, – я не могу понять...

Лай Медора стал еще свирепей и еще ближе; уже можно было различить человеческие голоса и звуки шагов.

– Пошли! – сказал Гильйом.

И он вывел Вернейля из дома.

Они углубились в рощу, почти непроходимую, и через несколько минут оказались у подножия огромных скал, которые образовывали естественную ограду Потерянной Долины. Гильйом остановился и положил руку на плющ, выющийся по утесу, и капитану послышался отдаленный звук колокольчика.

Они ждали около минуты. Наконец вверху что-то начало двигаться. Капитан с беспокойством поднял голову. Примерно в тридцати футах от земли из скалы выдвинулась лестница. Она медленно опускалась, пока не достигла гранитной скалы.

– Пошли, – сказал Гильйом, прислушиваясь к крикам, доносившимся из дома. – Я предпочел бы лишиться жизни десять раз, чем позволить, чтобы эту тайну узнал еще кто-нибудь в мире.

Он начал взбираться по ступеням лестницы с быстротой, какой трудно было ожидать от человека его комплекции. Арман отправился вслед за ним, подстрекаемый любопытством и желанием скрыться от австрийцев. Вскоре они очутились на узкой платформе, на конце которой виден был темный грот.

Гильйом подошел к гроту и легонько свистнул. Тотчас лестница начала подниматься и исчезла в невидимом углублении, так что нельзя было заметить, какая сила приводила ее в движение.

Но Гильйом не дал Вернейлю времени для наблюдений, он взял его за руку и повел в грот. Через несколько шагов стало совершенно темно. Однако капитану почудилось, что за ним опустилась железная решетка и закрылась дверь. Он подумал, что грезит, голова у него кружилась. Густая темнота, среди которой шел Арман, казалось, имела сверхъестественную плотность. Рука, державшая его, представлялась молодому человеку рукой гиганта. Самые странные мысли бродили у него в голове, чудовищные образы рождало помутившееся сознание.

Но эти галлюцинации продолжались недолго. Вскоре впереди показался дневной свет, и приветливый голос Гильйома прошептал Арману на ухо:

– Благодарите Бога, вы спасены. Вы теперь в Потерянной Долине.

В следующую минуту они очутились на открытом воздухе, в прекрасной аллее. Немного оправившись от изумления, капитан оглянулся: чтобы посмотреть на дорогу, по которой они сюда пришли, но не заметил в скале никакого следа ни двери, ни подземного хода. Он хотел было попросить объяснений у своего проводника, как вдруг крик удивления и почти ужаса раздался в двух шагах от него.

Тот, кто испустил этот крик, имел такое поразительное сходство с обитателем домика в роще, что в нем без труда можно было узнать брата Гильйома. Он был одет в такой же костюм, имел те же приятные и благородные черты лица.

Только в то время как лицо Гильйома сохраняло спокойное выражение, на лице его брата было написано сильное волнение.

– Гильйом, – произнес таинственный привратник Потерянной Долины, – любезный Гильйом, что ты затеял? Я думал, что прежде эти горы разрушатся, чем мой брат приведет сюда незнакомца! Старик с ума сойдет от беспокойства.

Гильйом с улыбкой покачал головой.

– Разумеется, мой добрый Викториан, – сказал он, – я ему объясню свой побуждения, и он их одобрит. Я пользуюсь большей доверенностью с его стороны, чем ты, и отвечаю за все. Пойдем, отыщем его поскорее.

– С охотой, брат мой. Я никогда не осмелюсь причинить ему беспокойство.

Гильйом с той же улыбкой прибавил несколько слов тихим голосом и, взяв Викториана под руку, обратился к изумленному капитану:

– Мсье Вернейль! Обстоятельства, заставившие меня привести вас сюда, были очень важны, и я не имел времени получить на это приказания того, кто один имеет право распоряжаться в Потерянной Долине. Потерпите немного, пока мы с братом исполним свою обязанность, надеюсь, вы прождете недолго... Подите сюда, – продолжал он, указывая на зеленую тропинку, извивавшуюся близ подошвы утеса, – там, наверху, вы найдете скамейку и можете отдохнуть до нашего возвращения... До свиданья!

Он поклонился, не дожидаясь ответа, и братья удалились, что-то обсуждая вполголоса. Скоро шум их шагов затих в отдалении.

Молодой человек направился вверх по тропинке и достиг небольшого бельведера³.

Здесь он сел на скамейку и начал рассматривать местность.

По мере того, как он предавался своим наблюдениям, его лицо попеременно выражало различные чувства: изумление, удивление, замешательство.

³ Бельведер – здесь: беседка на возвышении, с которой открывается вид на окрестности.

Глава III

Аркадия

Взору капитана Вернейля представилась действительно волшебная и чудная картина.

Внизу расстилалась цветущая равнина, защищенная со всех сторон горами, не очень высокими, но неприступными. Эти горы были покрыты зеленью почти до самой вершины, холмы заросли цветущими кустарниками. Эта великолепная рама обрамляла долину, и она казалась то ли садом, то ли очаровательным виноградником. Рука человека, правда, постаралась кое-что прибавить здесь к прелестям природы и это придавало местности еще больше очарования.

Водопад, низвергавшийся с высот в снежных каскадах, образовал внизу быстрый ручей, катившийся по белым камешкам в прекрасное озеро с тихими водами и цветущими берегами. Его воды то журчали под сводами серебристых ив, то тихо струились под незатейливыми мостиками, сделанными из древесных пней, покрытых мхом. По берегам ручья раскинулись плодоносные поля, а за ними – густые рощи. Там и здесь виднелись статуи богов и мраморные нимфы. Китайские беседки с колокольчиками, причудливые домики были расположены всюду, откуда только открывался восхитительный вид. В прогалинах видны были тисовые деревья, подстриженные в форме беседок,obelisks, древних ваз; в некоторых местах кристальные брызги водопадов с монотонным звуком падали на душистые каштаны, росшие вокруг бассейна с зеленой водой.

Жилище обитателей этого очаровательного места виднелось в центре долины с цветником перед его фасадом. Это был аккуратный домик под аспидно-черной кровлей с открытыми галереями, причудливыми балконами, с большими окнами, в которых было бесчисленное множество витражей. Виноградные лозы увивали стены дома и часть крыши. Вдали, на некотором расстоянии от главного здания виднелись скрытые за завесой густой листвы строения менее роскошные. Это были, без сомнения, скотные дворы для коров и баранов, которые мирно паслись на лугу у подошвы гор.

В этом маленьком Эдеме все дышало роскошью и негой. Солнце, скользившее по вершинам соседних утесов, золотило пейзаж, воздух был изумительно прозрачен. Легкий ветерок дул с озера, донося слабый запах померанца и жасмина, смешанный с благовониями нарда и альпийского шиповника. На деревьях щебетали птицы, шум водопада перекликался с журчанием ручья, и серебряный звук колокольчиков на коровах примешивался по временам к этим звукам.

Легко понять, что капитан Вернейль, еще не успевший позабыть все ужасы недавнего сражения, посчитал увиденное миражом. Блестящий, невозможный мир, в котором он очутился таким необычайным образом, не мог быть миром действительным, и он старался изо всех сил избавиться от их грез. Но напрасно капитан ждал, что этот мираж исчезнет, что фантастическая страна примет печальные очертания пустыни. Ослепительно-прекрасная картина была вся тут, неизменная, во всем своем блеске и поэзии.

Неожиданно вдалеке раздался протяжный и томный звук флажолета. Потом инструмент умолк, и мелодичный голос запел:

«Граждане этих вод! Оставьте вашу наяду в ее глубоком гроте, идите смотреть на предмет, который милее в тысячу раз; не бойтесь попасть в темницы прекрасной: она к вам не жестока. Вы будете приняты ласково, и пусть для некоторых приманка будет губительна, умереть для моей Эстеллы – вот жребий, которому я завидую».

Вернейль поискал глазами неизвестного певца, переложившего на музыку слова басни Лафонтена. Он увидел его в лодке, на озере. Лодка, расписанная яркими красками, разукра-

шенная позолотой, имела форму древней галеры, и ее нос, похожий на шею лебедя, возвышаясь над водой, медленно рассекал их. Но сколь ни необычайно было появление этой лодки, костюм лодочника был еще необычайнее: шелковые чулки, панталоны, подвязанные лентами, легкий жилет и шляпа, украшенная цветами. Прибавьте к этому напудренные волосы, круглое и румяное лицо восемнадцатилетнего юноши, который, сидя в своей лодке, вытаскивал сети, полные форели, и повторял: «Умереть для моей Эстеллы – вот жребий, которому я завидую».

Лодка мало-помалу удалялась и наконец скрылась за деревьями, окаймлявшими берег озера.

Арман подумал, что все эти видения были плодом горячки, которая могла овладеть им после стольких страданий. Поэтому он решил, что прогулка будет ему на пользу.

Но не сделал капитан и пятидесяти шагов, как из-за кустов боярышника и шиповника, возвышавшихся перед ним, послышался женский голос.

«На зеленых кустах зяблик, – пела женщина, – на вязе этом горлица; жаворонок среди воздуха, а кузнечик под травой молодой, – все поют: страшитесь потерять и один день из прекрасного времени любви».

– Славно! Вот теперь из Флориана! – прошептал Вернейль. – Право, я попал в страну химер. Осталось только увидеть за этими кустами какую-нибудь хорошенькую пастушку, которая стережет своих маленьких белых барашков... Да, черт возьми, непременно пастушку, иначе волшебница, которая распоряжается здесь, – урод, ничего не смыслящий в своем ремесле!

Он встал на цыпочки и, раздвинув ветви кустарника, оглядел небольшую лесную прогалину, откуда слышался голос. Успех превзошел его ожидания, вместо одной пастушки он увидел двух.

Молодые девушки были одеты в коротенькие платья с шелковым корсетом, зашнурованным на груди, между тем как руки и плечи были обнажены; головной убор состоял из маленькой соломенной шляпы, одетой немножко набок, с гирляндой из натуральных цветов. Одна была стройная, задумчивая брюнетка, ее густые ресницы почти скрывали черные, томные глаза. Она стояла, прислонившись к дубу и держа в руках посошок с серебряным наконечником, увитый лентами и розами. У ее ног спала огромная белая собака с огненными отметинами. Другая девушка, блондинка, сидела на траве, подперев голову рукой, и с улыбкой глядела на свою подругу. Из плетеной корзинки около нее высыпались васильки и красные маки. Неподалеку от этих очаровательных созданий бродили по лугу барашки, щипавшие нежные верхушки молодой травы, – прекрасные барашки, снежной белизны, с серебряными погремушками на ошейниках.

Пастушки о чем-то тихо разговаривали. Капитан затаил дыхание и прислушался.

– Перестань, сестрица, – говорила брюнетка. – Напрасно ты, Эстелла, стараешься разве-селить меня своими песнями. Ты счастлива, ты любишь Неморина, и любима им; ты станешь его супругой. Твои желания никогда не стремились дальше этой долины. Самые важные огорчения в твоей жизни были: смерть твоего любимого козленка и белой горлицы, унесенной горным орлом. Когда по утрам ты находишь у себя на окне прекрасный букет, собранный твоим пастушком, то потом целый день поешь и смеешься, бегая по тропинкам, по берегу ручья. Ты поешь и вечером, когда мы возвращаемся домой, и твоя ночь мирна, как наше озеро в безветренный день... Но не так бывает со мной!

Девушка вздохнула. Эстелла грациозно поднялась и, подбежав к сестре, обняла ее с нежностью.

– К чему эта грусть, Галатея? Отчего ты не так же счастлива, как все мы? Я хочу наконец это узнать! Чего недостает тебе? Разве ты не любишь Лизандра, которого Филемон назначил тебе в супруги? Скажи мне правду: не предпочитаешь ли ты, – голос молодой девушки

изменился, – Неморина его брату, моего жениха, моего... Но все равно! Если так, Галатея, ты непременно должна сказать мне, и я откажусь от Неморина, и сама пойду просить Филемона...

Галатея покачала головой и улыбнулась. Сестра снова обняла ее еще с большей нежностью.

– Ты не любишь моего Неморина, моя добрая, моя милая, моя благородная Галатея? – спросила она. – Ах, тем лучше, потому что я умерла бы от этого... Но в самом деле, Неморин слишком легкомыслен, чтоб мог тебе понравиться. Лизандр, напротив, важен, рассудителен, любит уединение, как и ты, ему часто случается проводить целые дни в одиночестве... Однако Лизандр тебя любит, ты не должна сомневаться в этом... Вспомни тот вечер, когда над Потерянной Долиной разразилась страшная буря. Ручей, переполненный дождевой водой, выступил из берегов и унес наши мостики, между тем как ты убежала в беседку на другой стороне ручья; тогда Лизандр через свирепый поток прибежал на твой крик и избавил тебя от опасности провести ночь в этой беседке, открытой для всех ветров... А зимой, не он ли спас тебя от медведя, который спустился сюда с горных вершин и которого он убил своим охотничьим ножом? Каких еще ты хочешь доказательств любви?

– Ты ошибаешься, Эстелла, – печально ответила Галатея. – Лизандр действительно, не задумываясь, пожертвовал бы своей жизнью, чтобы оказать мне услугу, но он не любит меня так, как Неморин любит тебя, и я не так люблю его, как ты любишь Неморина. Мы испытываем друг к другу братскую привязанность, и ничего более; мы с ним откровенно объяснились об этом. Лизандр старше всех нас, и он подвержен тайным страданиям, которых никому не хочет открыть. Я тоже, милая Эстелла, часто испытываю странное беспокойство. Я вижу во сне тот неизвестный мир, который существует, говорят, за этими горами и о котором рассказывают прекрасные книги, которые нам часто по вечерам читает Филемон. Я мысленно представляю себе праздники, которые бывают в больших городах, сияющих огнями, я вижу себя, украшенную драгоценностями и цветами, среди бесчисленного множества женщин, прекрасных, остроумных и милых, среди мужчин, молодых, храбрых и любезных; я слушаю упоительную музыку, чувствую, как ношусь в вихре веселого танца, всюду вокруг меня смех, движение, шум... Когда эти картины встают передо мной, то однообразие нашей жизни, спокойствие нашего уединения – все это наводит на меня грусть и тоску. Я смотрю на белые облака, плывущие по лазури неба, и завидую им, потому что ветер уносит их далеко отсюда; я смотрю на птиц и завидую их крыльям, потому что они могут летать, где им вздумается.

Галатея склонила голову на плечо Эстеллы, стараясь скрыть смущение.

– Я не понимаю тебя, Галатея! Зачем желать того, чего ты не знаешь? Вспомни, как Филемон ненавидит и презирает мир, в котором он провел часть своей жизни, и в какой ужасной картине он представлял нам его тысячу раз? Ах, Галатея, ты не имела бы этого отвращения к нашей жизни, если бы твое сердце было наполнено любовью.

– Может быть! – со вздохом прошептала Галатея.

– В таком случае, – продолжала Эстелла, – почему бы тебе не любить Лизандра, который так мил, так добр, так кроток? Сестрица, неужели ты надеешься найти в том мире, о котором постоянно думаешь, супруга более достойного, чем Лизандр?

– Не знаю, Эстелла, но Лизандр, несмотря на его благородные качества, вовсе не похож на созданный моим воображением портрет того, кого я должна полюбить...

– Нарисуй мне этот портрет, моя милая Галатея, прошу тебя! Скажи мне, как ты воображаешь себе своего жениха?

Галатея, поколебавшись, ответила:

– Я представляю себе молодого и прекрасного воина, который бы шел на битву, как на праздник, и заставлял бы дрожать всех, а сам дрожал бы только передо мной. Этот человек, сделавшись моим супругом, был бы очень знаменит, он возвращался бы ко мне из боевых походов, всегда увенчанный лаврами и похвалами восторженной толпы!

– А я боялась бы такого мужа, – сказала Эстелла. – Для меня лучше мой бедный Неморин, который так прост, так робок, что один мой взгляд утешает или огорчает его.

Капитан Вернейль и дальше наслаждался бы беседой сестер, если бы его присутствие не было обнаружено собакой, лежавшей у ног Галатеи. Однако пес известил своих хозяек об этом не посредством грубого лая и неистовых прыжков, как, конечно, сделала бы простая дворняжка. Он удовольствовался тем, что поднял морду и глухо зарычал.

– Кто может прийти сюда? – с испугом спросила Галатея. – Кому это вздумалось подслушивать наши секреты?

– Я догадываюсь, – сказала Эстелла. – Это Неморин поспешил поскорее вытащить сети, чтобы устроить какую-нибудь шалость.

– Диана не подняла бы тревоги из-за Неморина.

– Ну, так это Филемон ищет нас, потому что солнце уже скрылось за горой и нам пора возвращаться.

– Нет, нет! Давай посмотрим, кто нас подслушивал... Я умру от стыда, если кто-нибудь другой, кроме тебя, мог меня слышать.

Она взяла сестру за руку и направилась к кустам. Арман понял, что его сейчас увидят. Он поспешно отступил на несколько шагов, привел в порядок свои волосы и поправил мундир, довольно-таки износившийся. В ту минуту, как он заканчивал эти приготовления, перед ним появились обе пастушки.

Увидев его, они испуганно замерли. Резвая Эстелла хотела было убежать, но Галатея удержала ее.

Капитан Вернейль, сняв шляпу, церемонно поклонился девушкам.

– Чужестранец, кто вы такой? – спросила Галатея. – Как вы попали сюда?

– Милостивые государыни, меня привел сюда господин Гильйом, которого вы, без сомнения, знаете... Я солдат, служу французской республике и прошу у моих соотечественников гостеприимства только на одну ночь.

– Солдат, воин, сын Марса! – прошептала Эстелла, совершенно успокоившись.

Галатея молча разглядывала капитана. Увидев на его рукаве пятна крови, она побледнела.

– Он ранен! – вскрикнула она. – Боже мой! Уж не война ли где-нибудь вблизи?

– Не война, – отвечал Вернейль, улыбаясь, – а самая обыкновенная резня, и я удивляюсь, как слух о ней не дошел сюда. Однако успокойтесь, моя рана неопасна, и с тех пор, как я увидел вас, я не чувствую боли.

– Какая миленькая ложь! Неморин никогда бы не придумал такой ответ! – сказала наивная Эстелла. – Ну, сестра, надо отвести этого молодого воина к нам. Филемон, конечно, вылечит его.

Галатея сняла с плеч голубой шелковый шарф с золотой бахромой и обвила им раненую руку капитана. Арман опустился на одно колено для принятия этой милой услуги и поцеловал в знак благодарности прекрасную ручку пастушки.

– На что бы только ни отважился я, – сказал он, – чтобы заслужить такое обхождение!

– Пойдемте, пойдемте, – заторопилась Эстелла. – Обопритесь на меня, чужестранец. Не бойтесь, я не устану, я сильная, а наш дом недалеко отсюда.

– Дайте мне свое оружие, – робко прибавила Галатея, взяв у капитана саблю, – оно мешает вам идти.

Арман охотно уступил желанию этих обворожительных созданий, и они повели его в сторону рощи. С одной стороны хорошенькая Эстелла старалась приноровить свой шаг к размашистой походке офицера, с другой – Галатея, оставившая барашков на попечение Дианы, шла, неся в руках смертоносное оружие, на котором она еще не заметила красноватых полос. Молодой человек смотрел поочередно на ту и другую с невыразимым восторгом.

– Чужестранец, – сказала Эстелла, – извините мое любопытство, но если вы солдат, воин, то как же у вас нет ни блестящего шлема, ни золотой кирасы, ни серебряного щита, ни длинного копья, украшенного цветом вашей невесты?

Этот наивный вопрос заставил капитана улыбнуться.

– Республиканские солдаты, прекрасное дитя, – ответил он, – одеваются вовсе не так, как древние рыцари. У нас нет ни кирас, ни щитов, наши одежды, как видите, не роскошны, и никогда до сих пор, – продолжал он, бросив выразительный взгляд на Галатею, – я не имел счастья носить цвет какой бы то ни было красавицы.

Галатея, более серьезная и более осторожная, поспешила сказать:

– Извините мою сестру, она в первый раз увидела чужестранца и не имеет никакого понятия о том мире, из которого вы пришли.

Тем временем из рощи, к которой они направлялись, вышли два человека. Один был Гильйом, проводник Армана, другой – старик высокого роста с длинной бородой. Голова его была не покрыта, и густые седые волосы рассыпались по плечам. Старик держал в руке посох, в котором он, однако, не нуждался, потому что шел твердо и уверенно.

– Филемон! – почти в один голос прошептали девушки со страхом.

От старика не укрылось их смущение. Подойдя к сестрам, он сказал:

– Успокойтесь, мои милые, я не буду бранить вас за то, что вы оказали гостеприимство раненому солдату. – И прибавил, обращаясь к Вернейлю:

– Будь благословен твой приход к нам, молодой человек! Ты найдешь здесь только друзей.

Он протянул капитану руку и обнял его.

Вернейль, уже ничему не удивляясь, поблагодарил старика.

Между тем приближалась ночь и на небе появились первые звезды. Филемон тихо что-то сказал Гильйому, который поклонился ему с покорностью и удалился. Потом старик обратился к девушкам:

– Идите к своему стаду, мои милые, и предоставьте мне отвести чужестранца в наш дом... Вечерняя роса вредна для овец...

Эстелла и Галатея подчинились и не без сожаления вернулись назад, а Филемон, держа в одной руке саблю Армана, а другой поддерживая раненого, направился к дому.

С минутой они шли молча.

– Молодой человек, – прервал наконец молчание Филемон, – ты теперь мой гость. Не скрою, что если бы можно было поступить иначе, то я никогда не отважился бы допустить сюда чужестранца... Но просьба моего верного служителя, обязанности человеколюбия и некоторые другие причины заставили меня сделать для тебя то, чего я не сделал бы ни для кого другого. Я тебе напомним, однако, на каких условиях оказано тебе это гостеприимство. Мое семейство, живущее в долине, ничего не знает о мире, из которого ты пришел. Благодаря моим усилиям его тлетворное дыхание никогда не проникало в этот счастливый уголок земли. Как Адам и Ева в земном раю, обитатели долины живут спокойно и счастливо, потому что они не вкушали плодов древа познания добра и зла. Не будь же змеем-искусителем, показавшим эти проклятые плоды и предлагавшим им вкушать их. Может быть, несмотря на мои распоряжения, они будут задавать тебе какие-нибудь вопросы... Уважай чистоту этих девственных душ, блаженное неведение этих добродетельных детей. Если же своими насмешками или неблагоприятными откровениями ты заставишь их стыдиться того состояния, в котором они находятся, возбудишь в них желания, породишь сомнения в этих чистых душах, то совершишь дурной поступок, за который я сумею наказать тебя.

Капитан поспешил повторить обещания, данные Гильйому, и стал уверять старика, что он ничем не посмеет оскорбить своих новых друзей.

– Называй меня просто Филемоном, – сказал старик. – Эти знаки пустой вежливости здесь не в ходу... Я тебе верю, Арман де Вернейль, – прибавил он почти дружеским тоном, –

потому что знаю – ты производишь из благородного и почтенного рода. Итак, будь одним из моих детей, пока не заживет твоя рана, принимай участие в наших мирных радостях. Может быть, когда ты должен будешь нас оставить, то сделаешь это не без сожаления.

В продолжение этого разговора они пришли к жилищу. Дом от сада отделял двор. Одна сторона двора была занята обширной оранжереей с благоухающими растениями и птичником, где чирикала множество лесных птиц. На другой стороне находилось небольшое здание с двумя окнами и стрельчатой дверью. По золотому кресту на крыше Вернейль догадался, что это часовня.

У дверей дома на каменной скамье сидели двое молодых людей, которые встали, приветствуя Филемона. В одном Арман узнал Неморина, того юношу в лодке, костюм которого так поразил его незадолго перед тем. Другой, более рослый и более сильный на вид, с красивым и умным лицом, был одет почти так же, как Неморин, но в его костюме отсутствовали цветы и ленты.

Оба они глядели на чужестранца с любопытством.

– Отец, – произнес Неморин, обращаясь к старику, – я ловил в заливе рыбу новыми сетями, связанными Эстеллой, и ловля была удачна.

– Это хорошо! – ответил Филемон.

И он протянул Неморину руку, которую тот поцеловал.

– Отец, – сказал другой молодой человек, подходя к нему, – я водил быков на пастбу в Ио, и все стадо теперь находится на скотном дворе.

– Это хорошо, Лизандр, – повторил Филемон.

Потом протянул он руку Лизандру так же, как и Неморину.

– Теперь, – прибавил он, указывая на Вернейля, – обнимите гостя, друга, которого вал посылает Бог.

Оба молодых человека повиновались: Неморин – с неловкостью сельского юноши, Лизандр – с достоинством уверенного в себе человека.

– Довольно, – сказал Филемон, – можете идти встречать своих пастушек.

Братья, поклонившись, удалились, младший проворно и весело, а старший довольно меланхолично. Скоро они скрылись в липовой аллее.

Эти различия в характере молодых людей не скрылись от Вернейля. Он хотел было спросить Филемона о его сыновьях, но не решился.

Через несколько минут капитан был помещен в небольшой и со вкусом обставленной комнате в верхнем этаже дома. Его накормили, заботливо перевязали рану, и вскоре, лежа на превосходной постели, Арман мог свободно предаться размышлениям.

– Ну, – говорил он сам себе, – я в настоящей Аркадии: прекрасная природа, разодетые пастушки, нежные пастушки – чем не идиллия? Было бы, черт возьми, жалко, если бы кто-нибудь из этих негодяев – австрийцев прострелил меня насквозь в сегодняшней драке! Эта малютка Эстелла очень мила, а Галатея... О! Есть ли на земле более грациозное, более обольстительное создание, чем Галатея? Галатея! Моя милая Галатея! Он заснул, повторяя это имя.

Глава IV

Пастушки и пастушки

Арман де Вернейль, как мы уже сказали, был сыном адмирала де Вернейля, умершего во время кругосветного путешествия. Когда случилось это несчастье, у Армана уже не было матери, и шести лет он остался круглым сиротой и без состояния. У мадам де Вернейль, уроженки Английской Индии, в Европе не было родственников. Родня же Армана со стороны отца была многочисленна и богата, но несогласия во мнениях и интересах удалили адмирала от его могущественных родственников, и его сын был им неизвестен. Один только граф де Рансей, живший тогда в Париже, принимал в сироте некоторое участие. Он выхлопотал мальчику казенное содержание в одной военной школе, и время от времени справлялся о своем протеже. Но у самого графа Рансея были дети, к тому же, как говорили, он был человек угрюмый, капризный, со странностями. Через несколько лет вдруг прекратились всякие известия о нем. Как сказали мальчику, граф, обратив свое имение в деньги, отправился с семьей в чужие края, где след его потерялся. Между тем еще однажды Арман Вернейль испытал действие эцентрической благотворительности графа де Рансея. В тот день, когда он получил чин подпоручика в полку, который позднее сформирован был в шестьдесят вторую полубригаду, ему доставили двести луидоров вместе с письмом, исполненным добрых советов относительно его поведения в будущем, без подписи.

Легко понять, что несчастья первых лет не дали укорениться в Армане предрассудкам касты, к которой он принадлежал. Лишенный выгод, которыми пользовалась большая часть его школьных товарищей, он рано понял ничтожность известных общественных преимуществ. И он старался трудом вознаградить то, чего не доставало ему, и достичь этого. Довольный собой, Арман никогда не испытывал ни ненависти, ни зависти к своим товарищам, более богатым и счастливым, чем он. Он отделялся веселыми шутками, и когда сам ел во время завтрака сухой хлеб, смеялся над их лакомствами, вовсе не желая их, подобно Диогену, который грыз корку хлеба на роскошных пирах афинян, но Диогену без злости и желчи, готовому смеяться над самим собой при виде дыр на своем плаще, так же как над богатым костюмом своих товарищей.

Когда началась революция, Арман Вернейль не примкнул к тем, кто разделял гнев аристократов на уничтожение привилегий. Конечно, он должен был отказаться от своего офицерского чина, но вместо того, чтобы сделаться эмигрантом, поступил простым солдатом в свой полк.

Такой поступок спас его от подозрений, которые навлекли на себя во времена терроризма аристократы – приверженцы монархии. К тому же Армана обожали солдаты за его храбрость, за преданность товарищам и за свою неизменную веселость. Поэтому строгие комиссары, отправляемые в республиканскую армию, легко забывали о его дворянском происхождении и вскоре Арман Вернейль дослужился до чина капитана.

У него было доброе сердце, и он охотно пожертвовал бы своей жизнью, которой, впрочем, дорожил очень мало, чтобы воспрепятствовать несправедливости. Он был щедр, как все, у кого ничего нет, и его кошелек всегда был к услугам его друзей. Его характер, по природе пылкий, умеряло только чувство уважения к самому себе, которым он обязан был, быть может, своему рождению.

...Было уже довольно поздно, когда Арман Вернейль проснулся, чувствуя себя бодрым и отдохнувшим, плотная занавеска над его постелью пропускала лишь слабые лучи света.

«Где я, черт возьми? – подумал он. – Я не слышал, как били зарю, и мой денщик не приходил будить меня».

В эту минуту дверь отворилась, и кто-то осторожно просунул голову в комнату.

– Кто там? – спросил капитан.

Вошел Филемон, и, раздвинув занавеску, начал расспрашивать, как Вернейль провел эту ночь. Молодой человек, ослепленный ярким светом, все еще не мог привести в порядок свои мысли. Между тем как он смущенно щурился, Филемон снял повязку с его раны и внимательно осмотрел ее.

– Все идет как нельзя лучше, – сказал он с довольным видом. – Через три дня будешь совершенно здоров... А теперь можешь встать и праздновать вместе с нами воскресный день.

Арман вздрогнул. Он вспомнил свое вчерашнее приключение, и его глаза заблестели.

– Как! – обрадовано воскликнул он. – Я снова увижу этих милых особ, образ которых преследовал меня даже во время сна? Я могу бродить по вашим очаровательным садам, с этими милыми пастушками, с этой восхитительной Галатеей?

– Сегодня воскресенье, – ответил Филемон. – Молодежь проведет этот день в танцах и играх, свойственных ее возрасту, и ты можешь присоединиться. Но прежде мы должны поблагодарить Бога за благодеяния, коими он осыпает нас. Тебе, Арман, также есть за что благодарить Бога, который вчера еще так очевидно покровительствовал тебе среди битвы.

– Действительно, мсье... я хотел сказать. Филемон, я охотно покоряюсь, хотя, сказать по правде, давно уже не имел случая быть в церкви.

– Знаю, знаю, – произнес старик глухим голосом. – Я знаю, к чему привели глубокомысленные писания ваших мудрецов: они покрыли мир развалинами и кровью, они ниспровергли алтарь и умертвили священников... Между тем Жан-Жак, великий Руссо, их наставник во всем, не отвергал бытия Божьего. Но эти вспышки угаснут, и то, чтоечно, не замедлит расцвести снова... А я, я предчувствовал бурю и потому удалился в эту пристань. Видя это всеразрушающее ожесточение ложного знания, атеизма, гордости человеческой, я поспешил войти в мой маленький ковчег с остатками моей фамилии, прежде чем волны всемирного потопа сорвали вершины с самых высоких гор... Но оставим этот предмет, – вдруг сказал он. – Какое мне дело до этого мира, в котором все ложно, испорчено и совращено? Поговорим о тебе, Арман: я хочу передать тебе кое-какие известия, недавно полученные мною.

Он рассказал своему гостю о следствиях розысканий, которые накануне учинили австрийцы у Гильйома. Пастор Пенофер и его дочь могли спокойно возвратиться в деревню, где солдаты расположились на квартиры. Поэтому капитан не мог покинуть Потерянную Долину, по крайней мере, до тех пор, пока не освободится дорога в Цюрих.

– Ну что ж! Я не буду жаловаться на это обстоятельство, почтенный Филемон, – сказал Вернейль весело, – если только вы найдете столько же удовольствия принимать меня у себя, сколько я надеюсь иметь, оставшись у вас... Однако, – прибавил он неуверенно, – я попрошу вас об одной услуге.

– В чем дело?

– Если путешественник не может пройти сквозь неприятельские посты, то письмо, вероятно, может.

– К кому ты хочешь писать и о чем? – спросил патриарх Потерянной Долины, устремив на Вернейля пыливый взгляд. – Никто в мире не должен знать места твоего убежища.

– Дело идет о простом письме. Я хочу успокоить одного своего товарища, который, без сомнения, считает меня убитым... Тут нет никакой тайны, и я могу показать вам мое письмо. Это не займет много времени...

Он протянул руку и взял со стола исписанную бумагу, от которой оторвал клочок и написал на нем карандашом:

«Я жив, но легко ранен и окружен неприятелем. Я соединюсь с вами при первой возможности. Прощай.

Вернейль».

Капитан подал письмо Филемону, который даже не улыбнулся, прочитав этот образец военного лаконизма.

– Напиши адрес, – сказал он. Арман проворно написал:

«Гражданину Раво, лейтенанту шестьдесят второй полубригады, находящейся теперь в Цюрихе».

– Хорошо, – кивнул Филемон, – сегодня же вечером твой друг получит письмо. Как ты уже, наверное, догадался, у меня есть тайные агенты, которые имеют сношения только с верным Гильйомом. Один из них и исполнит твое поручение... Это все, чего ты желаешь?

Вернейль искренне поблагодарил старика, и патриарх Потерянной Долины удалился, прося своего гостя поскорее присоединиться к его семейству.

Несколько минут спустя в комнату вошел слуга, чтобы помочь Арману одеться. К изумлению капитана, он оказался немой.

«Ну, – подумал Арман, – в этом странном доме все решительно наизусть... Этот слуга, по крайней мере, не изменит тайнам своего господина».

На стуле около постели висела белая сорочка из очень тонкого полотна. Мундир Вернейля оказался вычищенным, впрочем, как португез и сапоги. Менее чем за четверть часа немой слуга побрил Армана, а потом обвязал его раненую руку голубым шарфом, подаренным Галатеей. Закончив туалет, Арман с пристрастием осмотрел себя в маленьком венецианском зеркале, висевшем на стене, и, оставшись довольным, несмотря на небольшую бледность, поспешно покинул комнату.

Все семейство находилось уже в нижней комнате, украшенной пихтовыми венками, гравюрами с изображением сюжетов из пастушеской жизни. Филемон, сидя в просторном кресле, перелистывал служебник. Его сыновья плели тростниковые корзинки, а сестры шептались в углу. На Лизандре и Неморине были красивые камзолы с серебряными пуговицами, шелковые яркие пояса, остроносые башмаки с золотыми пряжками. Девушки были одеты в изящные платья с множеством лент и кружев. Их соломенные шляпки украшали свежие цветы, шеи и запястья увивали нитки жемчуга и кораллов.

При виде Армана все поспешно встали. Молодые люди обняли его с радушием, Эстелла и Галатея тоже подошли к нему, робко подставив для поцелуя щеку.

– Благодарю, благодарю! – сказал в восторге капитан. – Право можно позволить убить себя, чтобы иметь в раю хоть половину того блаженства, которое я испытываю здесь!

– Молчи и не богохульствуй, – прервал его Филемон строгим тоном. – Теперь пойдем на молитву.

Они пересекли двор и вошли в маленькую часовню, напоминавшую обыкновенную сельскую церковь: на алтаре горело несколько свечей, по полу были рассыпаны цветы, несколько зерен ладана дымилось в серебряной курильнице. Филемон, молодые люди и Вернейль опустились на колени у ступеней алтаря, Гильйом и Викториан, немой слуга и хорошенькая девушка, которую Арман раньше не заметил и которая также была немой, остались позади них. Тут же были все жители Потерянной Долины.

Филемон начал молитву. Потом он прочитал дневную службу, и церемония кончилась краткой и назидательной беседой об обязанностях гостеприимства.

Присутствуя на этой церемонии, Арман Вернейль испытал до того неведомое ему чувство. Эта простая часовня, эти молодые люди в их живописных костюмах, этот седовласый патриарх, дающий своей пастве отеческое наставление, составляли дивную картину. Капитану казалось, что он присутствует при библейской сцене, и ему нужно было бросить взгляд на свой грубый мундир для того, чтобы убедиться, что сейчас 1799 год, а не библейские времена.

По окончании службы все возвратились в дом, где их уже ждал завтрак, состоявший из различных молочных блюд и плодов. За столом царил веселье. Разговор вертелся вокруг раз-

ных безделиц и смешных приключений и наконец речь зашла о том, каким удовольствиям посвятить этот день.

– Погода сегодня чудесная, – сказал Лизандр, – отчего бы нам не пойти на птичью охоту в тот лес, что на серой горе?

– А я, – возразила Эстелла, – предлагаю потанцевать в аллее. Арман скажет нам, так ли мы танцуем, как танцуют девушки в его стране.

– Я того же мнения, что и Эстелла, – сказал Неморин. – Кроме того, мы с Лизандром можем упражняться в беге и прыжках. Наградой победителя будет поцелуй его пастушки.

– Я думаю, – сказала Галатея, – что прогулка в лодке по озеру была бы очень приятна, когда немного спадет жара. Мы могли бы хором петь в маленьком заливе, где такое прекрасное эхо.

Филемон улыбнулся.

– Каждый из вас высказал свое желание. Ну что ж! Обратимся к нашему новому другу, пусть он выберет сам, чем заняться сегодня.

– Прекрасные пастушки, любезные пастушки, согласны ли вы принять меня в посредники? – спросил Арман.

– Да, да! – закричали все в один голос.

– Ну так и танцы, и концерт, и охоту на птиц, и прогулку по озеру – я все принимаю с восторгом и предлагаю сейчас же приступить к делу.

– Именно, именно так! Да здравствует наш молодой гость!

Этот день показался Арману Вернейлю упоительным. Когда он закончился вечерней прогулкой по озеру, при свете луны, и они, распевая песни, возвратились домой, капитан подумал, что у немногих был в жизни подобный день.

Нет нужды подробно рассказывать, как незаметно, час за часом, пролетела неделя. Чем дольше Арман жил среди молодых отшельников, тем больше привязывался к ним. Их простота и невинность, воспитанные уединением, умиляли его. Несмотря на внешнюю любезность и свободу в их отношениях, ничто не порождало нескромности молодых людей, не нарушало кроткой стыдливости девушек. Как ни странно, они не имели никакого понятия о географии, об истории, никто из них не умел читать, и Филемон, казалось, всеми силами старался скрыть от них возможность этому научиться. Правда, по вечерам старик читал им вслух избранные места из Гомера или Фонтенеля и других писателей, превозносивших приятности пастушеской жизни. Но капитан Вернейль, присутствовавший при этих чтениях, заметил, что мысли этих писателей Филемон искажал. Некоторые описания были сокращены, некоторые выражения он смягчал, чтобы не слишком возбуждать пылкое воображение. Филемон преимущественно останавливался на сценах сельской жизни, на тех местах, где описывались наслаждения чистой души в уединении; часто он вставлял в эти чтения правила, совершенно чуждые тем авторам, которым он их приписывал.

Капитан решил, что Филемон, очевидно, когда-то занимал в обществе значительное место. Ему принадлежала мысль создать Потерянную Долину. При помощи своих тайных агентов, о существовании которых он сказал Арману, он беспрестанно заботился о сохранении этой маленькой Аркадии. Архитектор, скульптор, садовник и земледелец в одном лице, Филемон без отдыха занимался украшением этой клетки, в которой он держал пленниками таких прекрасных птичек. С утра до вечера он трудился с топором или заступом в руке. И при этом ни на минуту не прерывал надзора за своими питомцами, особенно после появления чужестранца. Тогда как думали, что Филемон работал на другом конце Долины, вдруг встречали его на повороте аллеи, в уединенной роще, за скалой, и он всегда был важен, суров и, казалось, говорил своим видом: «Берегитесь, я здесь!»

Какие причины могли заставить человека с такой энергией и с таким умом удалиться от света? Этот вопрос легко было задать себе, но трудно на него ответить. В первые дни Арман,

обманутый простодушным видом старика, считал возможным выпытать у него эту тайну, но скоро понял, что простодушие его было обманчивым. Филемон искусно уклонялся от вопросов или отвечал так туманно, что эти ответы были для молодого человека новой загадкой.

Между тем рана Армана почти совсем зажила, но, по донесению Гильйома, который исправно осведомлялся о новостях за пределами Потерянной Долины, австрийцы, квартировавшие в деревне, продолжали занимать дороги. Вернейль все еще даже радовался этому препятствию, мешавшему ему покинуть Долину. Каждый день приносил новый праздник. Между молодыми людьми и капитаном скоро установилась нежная дружба. Эстелла и Неморин считали его братом, Лизандр и Галатея старались сделать для него пребывание в Потерянной Долине как можно более приятным. С тех пор, как Арман появился здесь, в характере и привычках Лизандра произошли заметные перемены. Он не обнаруживал более унылой робости, склонности к уединению, наоборот, искал встреч с капитаном, становился при нем веселее и, казалось, с большим удовольствием слушал его. Лицо Галатеи также утратило свое прежнее грустное выражение. Она стала весела, жива, болтлива, как ее сестра, и Вернейль не мог узнать в ней той томной простушки, признание которой он подслушал в день своего появления в Потерянной Долине.

Эти перемены не скрылись от ревнивого глаза Филемона. Однажды утром, после завтрака, старик, казавшийся более угрюмым и задумчивым, чем обычно, сделал знак молодым людям остаться.

– Дети мои, – произнес он торжественно, – я имею сообщить вам нечто важное.

Арман хотел из скромности удалиться.

– Останься, – сказал Филемон с таинственным видом. – Ты наш друг, и у нас нет от тебя секретов.

Вернейль поклонился и снова сел.

– Дети мои, – продолжал Филемон, – настала пора, когда узы, нас соединяющие, должны еще более укрепиться. До сих пор – вы это знаете – я не делал никакого различия между собственными сыновьями и дочерьми почтенного друга, который, умирая, доверил мне попечение о них. Однако мне остается исполнить еще одну обязанность. Лизандр, я с детства обручил тебя с моей воспитанницей Галатеей, а ты, Эстелла, обручена с Неморином. Я не хочу более откладывать счастливой минуты, ожидаемой, быть может, вами с тайным нетерпением... Вы теперь в таком возрасте, когда можете быть супругами, вы и будете ими через восемь дней.

Никто из молодых людей не проронил ни слова.

– По случаю этого обстоятельства, – торжественно произнес Филемон, – необходимо будет нарушить правило, которое запрещает вход в нашу долину посторонним людям. Католический священник, скромность которого мне известна и которого приведет сюда Гильюм, благословит этот двойной брак. Приготовьтесь к этой священной церемонии.

Только один крик радости раздался после этих слов – крик Неморина, который в избытке чувств подбросил свою шляпу к потолку, но другие оставались безмолвны. Лизандр был бледен, Галатея, с опущенными глазами, казалась пораженной этим известием, Эстелла нахмурилась, и даже Вернейль, которого решение старика никак не касалось, выглядел смущенным.

– Что это, Филемон, – спросила Эстелла тоном капризного ребенка, – что ты так спешишь отдать мою руку своему ветренику Неморину? Он еще не заслужил ее, мне кажется, а между тем, судя по книгам, которые ты читаешь нам по вечерам, пастух должен долго вздыхать и страдать для обладания своей возлюбленной; надо, чтобы она его огорчала, чтобы подвергла самым тяжким испытаниям, а я так добра, что и не думала еще порядком помучить твоего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.